

ПОСЛЕДНЯЯ МЕЛОДИЯ ДЛЯ СКРИПКИ

Владимир Караконстантин

Владимир Караконстантин

Последняя Мелодия для Скрипки

«Автор»

2026

Караконстантин В.

Последняя Мелодия для Скрипки / В. Караконстантин —
«Автор», 2026

Ноябрь 1941 года. Немцы прорвали оборону под Наро-Фоминском, полк разбит, и в разрушенном доме на окраине города остаются трое: капитан Володарский, сержант Воронцов и совсем юный красноармеец Тихонов. Связи нет, патронов мало, город занят врагом, и отсюда им не выйти. За отставшей доской Воронцов находит старую скрипку. Он учился в музыкальном училище, но давно не брал инструмент в руки. И когда на лестнице раздаются шаги, он, у которого уже нет выбора, начинает играть Бетховена. Камерная повесть о войне, но не только о ней. О том, на что способен человек, когда у него остаётся лишь то, что он когда-то умел. О музыке, которая звучит там, где ей не место. И о враге, который останавливается и слушает, потому что и в нём что-то отзывается. Вымышленная история разворачивается в дни Московской оборонительной операции 1941 года.

© Караконстантин В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Караконстантин

Последняя Мелодия для Скрипки

СЛОВО ОТ АВТОРА

Дорогие читатели!

Эта повесть вымышлена. Сержанта Алексея Воронцова, капитана Андрея Володарского, красноармейца Ивана Тихонова и майора Эдвина Юнга придумал я, и за ними не стоят конкретные люди. Дом на восточной окраине Наро-Фоминска, скрипка в тайнике за отставшей доской, ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое ноября сорок первого года — всё это принадлежит только этой книге. Если в судьбе героев кто-то узнает своего деда, отца или соседа, это совпадение, которое война, к несчастью, делала слишком возможным.

Но историческая рамка, напротив, настоящая. Наро-Фоминск стоит на реке Наре к юго-западу от Москвы. Осенью сорок первого через него шло направление, по которому немцы рвались к Киевскому шоссе. Город был занят в октябре, а бои за него не стихали до конца декабря. Оборону держала тридцать третья армия генерал-лейтенанта Ефремова, в её составе была двести двадцать вторая стрелковая дивизия, а в дивизии — семьсот семьдесят четвёртый стрелковый полк. В конце ноября немецкий удар в районе Таширова рассёк нашу оборону, связь между частями оборвалась, и небольшие группы бойцов оказались отрезаны от своих. Именно в такой разлом я поместил троих, о которых рассказываю.

Вымысел и документ лежат здесь рядом, и я старался не путать их. Где можно, я держался фактов: названий, частей, рубежей, общего хода событий. Всё остальное — разговоры в промёрзшей комнате, мысли, страх, выбор — придумано, потому что ни в одной сводке этого нет и быть не может. Сводка скажет, что противник вышел на шоссе. О том, что происходило в одной комнате одного дома, она молчит.

Мне хотелось написать не о подвиге и не о предательстве, а о человеке, у которого выбор уже отняли и осталось только то, что он когда-то умел. Сержант Воронцов играет, потому что больше ему нечем ответить, и эта простая вещь оказывается сильнее приказа и страха, хотя легче от неё не становится. А офицер по ту сторону, который слушает и не стреляет, не добрее остальных. Просто в нём отозвалось то, что было до войны.

Эта книга о тех, кто держался, когда держаться было нечем. О тех, кто погиб, не отступив ни на шаг. И о тех, кто выжил, чтобы помнить.

Памяти бойцов и командиров Красной Армии, сражавшихся на Наро-Фоминском рубеже, а также всех, кто положил жизнь за Москву в ту страшную осень и зиму сорок первого года, посвящается.

Вечная память героям, павшим в боях за Родину. Вечная слава народу-победителю!

ПОСЛЕДНЯЯ МЕЛОДИЯ ДЛЯ СКРИПКИ

ПРОЛОГ

Осень тысяча девятьсот сорок первого года выдалась на удивление ранней и на удивление злой. Дожди начались с конца сентября. Но не те короткие, обложные, что бывают в августе, а тягучие, мелкие, как из сита, которые идут день за днём, неделю за неделей, не давая ни про-

света, ни передышки. Они размывали дороги до состояния киселя, превращали поля в топкие болота, а окопы — в жидкую грязь, которая засасывала сапоги и не отпускала, требуя нечеловеческих усилий, чтобы сделать шаг. В этой грязи тонули машины, орудия, повозки. Люди шли пешком, неся на себе оружие, боеприпасы, пулемёты, миномёты — всё, что не могли довести.

К ноябрю земля уже успела схватиться морозом, но не настолько, чтобы держать вес человека. Она лишь сверху покрылась хрупкой коркой, под которой всё ещё стояла холодная, мёртвая вода.

В этой воде, в этой грязи, в этом холоде — в том самом, что пробирает до костей и не даёт согреться ни у костра, ни под шинелью, ни в блиндаже, где с потолка капает и стены покрыты изморосью, — осенью сорок первого решалась судьба Москвы.

Днём над передовой висело низкое, серое небо, из которого то сыпался снег, то моросил дождь, то не было ничего, кроме промозглой, ледяной сырости. Ночью становилось ещё хуже: темнота, холод, тишина, в которой каждый шорох казался шагами врага. Костры разводить было нельзя — демаскировка. Люди сидели в окопах, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, и слушали, как где-то далеко, за линией фронта, гудит немецкая техника, и как ближе, совсем рядом, стучит по брустверу дождь. Солдаты и офицеры спали урывками, по часу, по два, в перерывах между обстрелами и атаками.

А немцы шли. Каждый день, с утра, после короткой артподготовки — методичной, точной, жестокой, — они поднимались из своих окопов и двигались вперёд. Танки, за ними пехота, плотная, уверенная, в касках, с автоматами наперевес. Наши пулемётчики успевали сделать несколько очередей, прежде чем их накрывали миномётным огнём. Противотанковых ружей не хватало, гранаты кончались быстро, бутылки с горючей смесью — тоже. Танки подходили вплотную, давили окопы, и тогда в ход шло всё: связки гранат, топоры, сапёрные лопатки. В ход шла сама жизнь — потому что отступать было некуда. Позади была Москва.

К концу ноября на этом участке фронта сложилась та самая обстановка, которую позже назовут критической. Немцы подошли к Москве на расстояние выстрела — до Кремля оставалось меньше тридцати километров. На юго-западе, на наро-фоминском направлении, они вклинились в нашу оборону глубоко, угрожая прорваться к Киевскому шоссе и перерезать последнюю коммуникацию, связывающую столицу с фронтом. Каждый день, каждый час здесь решал всё. И каждый день, каждый час здесь гибли люди — сотни, тысячи, десятки тысяч. Они гибли в окопах, в блиндажах, в лесах, на дорогах, в деревнях, которые переходили из рук в руки по нескольку раз. Они гибли, не зная, что их имена останутся только в братских могилах и в памяти тех, кто выживет, в памяти поколений. И они не отступали. Не потому, что не боялись — боялись все. А потому, что знали: если они отступят, Москва падёт. А если падёт Москва — падёт их страна, их Родина.

И в этом холоде, в этой грязи, в этой бесконечной осенней тоске сорок первого года люди делали то, что казалось невозможным: они стояли насмерть.

Город Наро-Фоминск стоит на реке Наре, к юго-западу от столицы, там, где Киевское шоссе, разрезая Подмосковье, уходит к западным границам. Городок небольшой, районного значения, с фабрикой, с вокзалом, с тихими улицами, застроенными деревянными домами и купеческими особняками ещё прошлого века. До войны здесь жили ткачи, учителя, врачи, служащие — люди, чьи судьбы были вплетены в размеренную жизнь провинции. В июне сорок первого всё это кончилось в один день.

К середине октября немцы подошли к городу вплотную. Части 57-го моторизованного корпуса вермахта — 258-я пехотная и 3-я моторизованная дивизии, усиленные танковым полком, — смяли оборону на подступах и 21 октября ворвались на западную окраину Наро-Фоминска. С этого дня город оказался разрезан надвое. Линия фронта прошла по реке Наре:

восточный берег — наш, западный — немецкий. Но вскоре город был взят. Наши отступили за Нару, но не бросили его вовсе: два месяца, до самого конца декабря, здесь шли бои, которые не прекращались ни днём, ни ночью — артиллерийские дуэли, снайперские перестрелки, попытки форсировать реку, отбить плацдармы, выбить друг друга из полуразрушенных зданий.

Оборону держала 33-я армия генерал-лейтенанта Михаила Григорьевича Ефремова. Штаб её располагался в деревне Кузнецово, в нескольких километрах от передовой. В состав армии входили потрёпанные в летних и осенних боях дивизии: 110-я, 113-я, 160-я, 222-я, 338-я стрелковые, 201-я Латышская, 1-я гвардейская московская мотострелковая, 5-я танковая бригада, истребительный батальон из местных ополченцев и два партизанских отряда. Люди в этих частях были разными: кадровые военные, прошедшие финскую и первые месяцы этой войны; вчерашние рабочие и колхозники, призванные в июле-августе; московские ополченцы, которые ещё недавно ходили в штатском и учились стрелять из трёхлинейки уже на фронте.

222-я стрелковая дивизия была дивизией довоенного формирования, сформированной в Орловском военном округе в первые недели войны. В её состав входили 774-й, 757-й и 787-й стрелковые полки, артиллерийский полк, сапёрный батальон, отдельные роты связи и разведки. Дивизия занимала оборону севернее Наро-Фоминска, по восточному берегу Нары, между Нарскими прудами и деревней Таширово. Рубеж этот она держала почти три месяца — с конца октября до начала декабря.

Но в конце ноября произошло то, чего боялись все. Немецкое командование, пытаясь прорваться к Москве по кратчайшему направлению, сосредоточило против 222-й дивизии превосходящие силы. 292-я и 258-я пехотные дивизии вермахта, поддержанные семьюдесятью танками и мотопехотой, ударили в стык между частями, в районе Таширово и деревни Новая. Превосходство в силах было более чем пятикратным. Оборона была прорвана.

То, что произошло дальше, в военных сводках описывается сухо: «Противник, введя в прорыв до 70 танков с мотопехотой, к 14:00 вышел на шоссе Наро-Фоминск — Кубинка». За этой строчкой — сотни судеб. Полки 222-й дивизии оказались рассечены, частично окружены, частично отброшены на восток. Связь между подразделениями оборвалась. В окопах и блиндажах уже не понимали, где свои, где немцы, куда отходить и есть ли в отходе смысл. Малые группы пытались пробиться к своим. Отдельные бойцы шли в одиночку. Иные не пробивались вовсе: оставались в промерзших ячейках, у остывших пулеметов, в темноте блиндажей, потому что идти было некуда и незачем.

774-й стрелковый полк, державший оборону у деревни Смолино и на подступах к Таширову, — был смят одним из первых. Уцелевшие в том бою вспоминали потом разное, но сходились в одном: танки шли не рядами, а волнами. Одна волна откатывалась, вторая накатывалась следом, за машинами двигалась пехота, и остановить эту лавину было нечем. Пулемётные очереди тонули в грохоте, миномётный огонь накрывал позиции прежде, чем бойцы успевали сменить ленту. К вечеру первого декабря полк перестал существовать как единое целое. Остались разрозненные группы, отдельные окопы, отдельные люди, которые уже не знали, где проходит линия фронта и проходит ли она вообще.

Одной из таких групп — вернее, тем, что от неё осталось, — были трое. Три человека, чудом уцелевшие в этом месиве, оставшие от своих и засевшие в полуразрушенном доме на одной из окраин Наро-Фоминска. Дом стоял на тихой улице, которая ещё месяц назад называлась улицей Урицкого — теперь у неё не было названия, как не было названий у большинства улиц в этой части города, превращённой в руины. Трёхэтажный, купеческой постройки, с толстыми стенами и высокими окнами, он чудом уцелел после артобстрела, хотя и потерял крышу на одном из углов и лишился почти всех стёкол. Внутри — разбитая мебель, осыпавшаяся штукатурка, следы чужой жизни: перевернутый буфет, рассыпанные по полу бумаги,

детская кукла без головы, чей-то чемодан, раскрытый и опустошённый. И скрипка. Старая, в потёртом футляре, забытая в тайнике за отставшей доской в стене одной из комнат. Кто-то из хозяев, видимо, прятал её, когда началась эвакуация, надеясь вернуться. Или просто не успел взять с собой.

На дворе конец ноября.. Город в кольце. С полком связи нет. Патронов пока хватает: собрали у убитых товарищей, выгребли из разбитых укреплений. Еды почти не осталось. Несколько банок консервов, сухари, горсть крупы. Воду набрали в ведро из лужи, ползком, под огнём. Холод. Сырость. Стены дома уже покрылись инеем. Дыхание вырывается паром, пальцы не гнутся. Немцы прочёсывают город. Собачий лай, шаги, редкие выстрелы. Так и живут на занятой врагом земле.

Они понимали, что им отсюда не выйти, потому что город окружён, дороги перекрыты, патрули на каждом перекрёстке. Они готовились к бою, к последнему бою, как называли его между собой. Вслух об этом не говорили, но каждый знал, что это он и есть.

С этого дома, с этой скрипки, с этого вечера всё и начнётся.

Тогда, в конце ноября 1941 года, в безымянном доме на окраине Наро-Фоминска, сержант РККА Алексей Воронцов, бывший студент музыкального училища, бывший скрипач, взял в руки скрипку и заиграл.

И никто не смог его остановить.

Эта повесть о войне, но не только о ней. О трёх людях, случайно оказавшихся вместе в промёрзшем доме на краю чужого города, и о том, что может сделать человек, когда выбор у него уже отняли. О музыке, которая звучит там, где звучать не должна, и о том, как звук скрипки в пустой комнате оказывается сильнее, чем приказ, страх и ненависть. О враге, который слушает и не стреляет, потому что и в нём что-то отзывается на эту мелодию, что-то, что было в нём до войны и, может быть, останется после. И о том, как в самый глухой час, когда надежды не оставалось ни на что, человек заиграл от отчаяния, и музыка спасла ему жизнь.

Утро, 28-го ноября 1941 года.

г. Наро-Фоминск, Московская область, РСФСР, СССР

Дом стоял на восточной окраине, там, где заканчивался город и начиналось поле. Трёх-этажный, красного кирпича, с обвалившейся крышей и выбитыми стёклами. Третий этаж уцелел наполовину. В угловой комнате с окном на перекрёсток группа из трёх человек держалась со вчерашнего вечера.

Капитан Красной Армии Андрей Володарский, заместитель командира семьсот семьдесят четвёртого полка, сидел у окна на перевёрнутом ящике из-под патронов. Левой перебинтованной рукой он упирался на колено. Повязку на свежую осколочную рану наложили ещё вчера днём, ещё до темноты. Сделал её сержант из их полка, молодой парень с перебитым осколком плечом, который всё равно вызвался помочь, сделал всё аккуратно, как умел, и через пару часов скончался от ран. Володарский не видел, как это случилось, только утром обнаружил его у стены на первом этаже соседнего здания, и с тех пор старался не думать об этом.

Тридцати семи лет, кадровый военный, он принял полк неделю назад, после гибели майора — командира их полка, и с тех пор держал спину так, будто она всё ещё перед строем. Хотя строя давно не было. Их осталось трое в разрушенном доме, и он был самым старшим. По званию и по опыту. Но Володарский знал, что не выживет. Знал это спокойно, без паники, как знал когда-то расписание занятий или номер своей части. Но сдаться не мог, потому что

не умел. И ещё потому, что за спиной была Родина, которую он присягал защищать, и отступать от неё было для него так же невозможно, как от самого себя. А ещё рядом были двое его подчинённых, и им нужно было на что-то опираться.

Он смотрел в окно, в проём без стекла, заложённый кирпичом до половины. За этой невысокой кладкой лежала улица, разбитая воронками, пустая, с чёрными пятнами на снегу, и ничего на ней не двигалось, ни человека, ни техники. Только ветер гнал по дороге серую пыль да где-то далеко, у поворота, одиноко торчал наполовину покосившийся телеграфный столб. Володарский смотрел на него долго, не мигая, и в какой-то момент ему показалось, что весь мир сузился до этой улицы и этого окна, и за их пределами ничего больше нет.

Сержант Алексей Воронцов работал у противоположной стены. Двадцать четыре года, коренной москвич, бывший студент московского музыкального училища по классу скрипки. Он недоучился в училище на третьем курсе, его забрали в армию, и с тех пор прошёл почти год, за который он ни разу не держал в руках инструмент. Но руки помнили.

Сейчас Воронцов выламывал из простенка кирпичи, один за другим, и складывал их у окна, чтобы заложить бойницу повыше. Работал неторопливо, экономно, стараясь лишний раз не шуметь. Кирпич крошился, и каждый раз, когда кусок падал на пол, все трое на секунду замирали. Он вообще редко жаловался, даже когда было холодно и голодно, даже когда хотелось есть так, что сводило живот. Вместо этого он находил что-то другое. То поднимет с пола уцелевшую книгу, полистает, поставит на подоконник. То скажет Тихонову, что скоро рассветёт и станет хоть немного теплее, хотя сам не верил. То просто улыбнётся, коротко, одним уголком движением губ, и от этого в комнате будто становилось чуть меньше холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.